

Диков Леонид Леонидович,
Студент, СКФУ
Dikov Leonid Leoniovich
North-Caucasus Federal University

**ОБРАЗНО-СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
ДИАЛЕКТИКИ ЛИЧНОСТИ И МАССЫ В ПОВЕСТИ «КОТЛОВАН»
А. ПЛАТОНОВА НА ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЕ
FIGURATIVE AND SYMBOLIC REPRESENTATION OF THE DIALECTICS
OF PERSONALITY AND THE MASSES IN A. PLATONOV'S NOVEL
«THE FOUNDATION PIT» AT THE TEXTOLOGICAL LEVEL**

Аннотация. В статье исследуется художественное отражение диалектики личности и массы в ткани текста повести А. Платонова «Котлован» посредством словесных образов, актуализированных как символы.

Abstract. The article examines the artistic reflection of the dialectic of the individual and the masses in the fabric of the text of A. Platonov's novel «The Foundation Pit» through verbal images actualized as symbols.

Ключевые слова: Андрей Платонов, повесть «Котлован», диалектика личности и массы, идиостиль Андрея Платонова, текстологический анализ.

Keywords: Andrei Platonov, the novel «The Foundation Pit», dialectic of the individual and the masses, Andrei Platonov's idiosyncrasy, textological analysis.

Вопрос образно-символической системы в повести «Котлован» очень обширен и, не ошибёмся, если скажем, что бездонен. Чтобы осветить то, насколько глубоко в ткань произведения проникают рефлекты диалектики личности и массы, возьмём первые сцены повести, чтобы выделить общий принцип работы этого – о Платонове очень уместно сказать – механизма.

Прежде всего стоит упомянуть, что «Котлован» вполне относим к жанру философской повести, который М. М. Бахтин выделял, начиная с повестей Вольтера, говоря, что те «в очень наглядной форме раскрывают традиции мениппеи и карнавализации» [4, с. 283]. Эта формулировка хорошо подходит и к А. П. Платонову, чей идиостиль имеет своей основой язык литературы соцреализма (заклучавшей в себе императивную стратегию письма как политически ангажированного, пропагандистского «истолкования действительности»; недостижимость сверхтекста (как и пропагандируемого общественно-политического идеала) обосновывает поэтику варьирования иллюстративных сюжетных схем, «нейтрального стиля» (Г. Беляя), небрежения словом как слабым отзвуком «дела» [4, с. 140]). Однако Платонов волей-неволей травестировал, карнавализовал этот нейтральный стиль, одновременно следуя ему и нарушая его; он переполнял слова коннотациями, которые превращали любой содержательно соцреалистический пассаж в гротескную и болезненную от механицизма фразу. Внешняя умозрительная отвлеченность мысли и конкретика бытописательства предстают в «неправильностях», «косноязычии», «корявости», «шероховатости» платоновского стиля [5, с. 555]. Всякое слово Платонов обставляет таким лексико-синтаксическим контекстом, что оно начинает казаться чужим, приобретает семантическую избыточность и выводит реципиента из автоматизма восприятия. Как пишет Т. Сейфрид: «...построенное на основе сказа смешение прямых и переносных значений слов создает вербальный портрет мира, в котором абстрактное и конкретное сосуществует в одной онтологической плоскости» [1, с. 142].

Тема, поставленная в центр настоящей работы, даёт знать о себе с первых предложений произведения Платонова. Прилагательное «личный» – это четвёртое слово повести, а слово «общего» – тридцать девятое. Оба они появляются в первом же абзаце, состоящем из двух предложений, которые как бы составляют часть одного целого; сначала нам сообщается о положении личности-Вощева (ему дали расчёт), затем говорится о причинах, связанных с тем, что работает он меньше, чем того требует «общий темп труда». Этим абзацем Платонов сразу фокусирует текст на главной проблеме – на диалектике личности и массы; «отбившись» от массы, Воцев лишается средств к существованию, кстати сказать, в том же возрасте, в котором Христос принял крещение – важная символическая деталь, показывающая, что повествование застаёт Вощева в момент трансформации, что обозначает точку нарративного фокуса.

Второй абзац: первое место, которого достигает Воцев – это «низкая ограда» усадьбы в конце города, на которую тот облокотился, что является овеществлённым образом начавшего обретаться суверенитета Вощева по отношению к окружающему миру. При этом, обретение отделённости (дефиниции) не выражается в чувстве освобождения, но оно только больше сдавливает и стесняет нутро Вощева (он «мучится сердцем, окруженным жесткими каменистыми костями»). Эта ограда относилась к усадьбе, где бессемейных детей приучали к труду – сирот, коими до края наполнена проза А. Платонова. И через ряд объектов повествовательное зрение устремляется к некоему глиняному бугру, где растёт старое дерево, «одно среди светлой погоды» [3, с. 21]. Здесь важен и адъектив «светлый» (символика света и тьмы будет рассмотрена ниже) и числительное «одно», ведь диалектика личности и массы может быть аппроксимирована до диалектики единого и многого – одно дерево здесь может служить символом индивида, помещённого на периферию «трудовой жизни» («оно качалось от невзгоды, и с тайным стыдом заворачивались его листья»), впоследствии, образ одного из листьев, на которых автор акцентировал читательское внимание при первом появлении дерева, семантическим отзвуком вернётся в повествование в образе «умершего, палого листа», принесённого ветром с «дальнего дерева». Внутри текста этот отсохший лист относится Воцевым (посредством несобственно-прямой речи) ко «всяким предметам несчастья и безвестности». А. Платонов пишет: «Ты не имел смысла житья, – со скупостью сочувствия полагал Воцев, – лежи здесь, я узнаю, за что ты жил и погиб. Раз ты никому не нужен и валяешься среди всего мира, то я тебя буду хранить и помнить» [3, с. 23]. Здесь мёртвый лист выступает своеобразной вестью о существовании, о том, что существует нечто, а не ничто, и эту весть Воцев сохраняет, поскольку она, эта жизнь, в его картине мира имплицитно самоценна. А. Платонов использует глагол «полагал», что указывает на неабсолютный характер оценки Воцевым онтологического статуса этого листа (который «не имел смысла житья»), это предполагает, что смысл листа был в том, чтобы он был сорван ветром и найден Воцевым; подобным образом «смысл человека» может полагаться в том, чтобы его «нашли», сделали «общеизвестным». Многие листья, что с «тайным стыдом» заворачивались и чахли относятся к тому самому «безответному существованию», от которого «один Воцев отделился и молчал». «Безответное существование» здесь может быть понято как существование без свидетелей, невидимое, которое легко спутать с небытием – такому существованию подобна рафинированная от инаковости масса, и только личность (Воцев) выступает свидетелем жизни этой массы и того, что находится «по ту сторону массы», он «устраняется в тишину безвестности» – здесь Платонов вновь использует существительное «безвестность», как бы говоря, что Воцев сам бы мог быть содержимым своего мешка.

Для А. Платонова важен образ движения (которое в сюжете повести героев никуда не привело, а вернуло в тупик): «скучно лежала пыль на безлюдной дороге» [3, с. 21] – наречие «скучно», подобно многим словам Платонова, идеосемантично, означая не только чувство скуки, но и конфигурацию «скупенности» массы пыли, что потом уже клубится над домами города, куда приходит Воцев, – «от движения населения» [3, с. 24].

Важен и образ дороги как пути; сперва она упоминается в связке с прилагательным «безлюдный», во второй раз о «пешем пути» Вощева сказано, что «по сторонам строили дома и техническое благоустройство – в тех домах будут безмолвно существовать донныне бесприютные массы» [3, с. 23]. Появляется любопытная антитеза – безлюдная дорога противопоставлена заселённым домам, контрастно показаны движение и стазис, причём массы, заселяющие эти дома, названы «бесприютными», хотя не находятся вместе с Вощевым на ведущей невесть-куда дороге. Дорога как топос, фундирующий потенцию движения, очень важен для Платонова в этой повести: «[Вощев] шел по дороге до изнеможения; изнемогал же скоро, как только его душа вспоминала, что истину она перестала знать» [3, с. 24]; «Все живет и терпит на свете, ничего не созная, – сказал Вощев близ дороги» – А. Платонов дополнительно указывает место героя относительно дороги (которую, должно быть, «осилит идущий»), дорога – топос, которому характерна узость, – как бы создана для немногих, для атомизированных индивидов, перемещающихся не вместе, а поочерёдно, каждый на своём уникальном маршруте. И когда Вощев приходит в город, который «начинался кузницей, и в ней во время прохода Вощева чинили автомобиль от бездорожной езды» [3, с. 24], – вот оно, казалось бы, уточнение, без которого можно было бы обойтись, однако автор подчёркивает это стремление массы девальвировать значение дороги, на которой она неспособна уместиться целиком.

Если в первый раз прилагательное «безлюдный» относилось к дороге, то в следующий раз оно встречается уже применительно к слову «ночь» [3, с. 26]. Эта безлюдная ночь так же занимает важное место в образно-символической системе повести, А. Платонов пишет: «лишь вода и ветер населяли вдали этот мрак и природу, и одни птицы сумели воспеть грусть этого великого вещества, потому что они летали сверху и им было легче» [3, с. 26], – этот «более тихий, чем тишина» мрак [3, с. 21], словно Хаос и Тьма в древнегреческой космогонии, населяем стихиями подвижными и живыми существами, которые находятся по ту сторону диалектики личности и массы, потому что именно что «безлюдная ночь», в которой оказывается Вощев, ища ночлега. В связи с образом тьмы действует образ зрения: Вощеву было «неясно на свете, и он ощущал в темноте своего тела тихое место» – тишина в повести «Котлован», как мы отметили выше, является ипостасью мрака, тьмы, – «где ничего не было, но ничто ничему не препятствовало начаться» [3, с. 26]. «Темнота тела» – словесный образ, будто бы сообщающий, что тело «не освещено изнутри», что напрямую отсылает к известному стиху из Евангелия от Матфея: «светильник тела есть око» (6:22). Ниже Платонов описывает спящих в сарае рабочих, к которым Вощев отправился на ночлег, изгнанный из «лишнего места»: «Ситец рубаш с точностью передавал медленную освежающую работу сердца – оно билось вблизи, во тьме опустошенного тела каждого уснувшего» [3, с. 27]. Тот же образ «тьмы тела», «неосвещённости» внутреннего мира внешним, отсутствие личного опыта, слепое, подобное небытию, существование впотьмах. Непроста Платонов следом пишет, что «утром Вощеву ударил какой-то инстинкт в голову, он проснулся и слушал чужие слова», – после чего уточняет, – «не открывая глаз». Вощев тщетно пытается уподобиться им, приобщиться, чтобы ему «стало глуше и легче среди них» [3, с. 21].

Подобным образом через образно-символический пласт повести рассказывается огромное количество «диалектических притч» о диаде личности и массы.

Список литературы:

1. Seifrid T. Andrei Platonov, uncertainties of spirit / Cam.: Cambridge University Press, 1992. – 268 с.
2. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды: Пер. с исп. / Сост., предисл. и общ. ред. А. М. Руткевича. – М.: Издательство «Весь Мир» 1997. – С. 44.
3. Платонов А. П. Котлован. Текст, материалы творческой истории // СПб.: Наука, 2000 – 380 с.

4. Поэтика: слов, актуал. терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко]. – М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. – 358 с.
5. Русские писатели 20 века: Биографический словарь / Гл. ред. и сост. П.А. Николаев. Редкол.: А. Г. Бочаров, Л. И. Лазарев, А. Н. Михайлов и др. – М.: Большая Российская энциклопедия; Рандеву – А. М. 2000. – 808 с.: ил
6. Энгельс Ф. Диалектика природы // М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1941. – С. 3.

